

Демократия в эру ограниченного суверенитета

Екатерина Кузнецова,

руководитель европейских программ

Центра исследований постиндустриального общества (Россия)

В последние годы дискуссии о судьбах демократии среди западных ученых разворачиваются вокруг двух главных проблем. С одной стороны, все большее число исследователей обращает внимание на размывание демократической легитимности и основ республиканского устройства, проявляющееся в падении интереса к электоральному процессу, медиатизации политической культуры, сужении пространства выбора и других тревожных явлениях, наблюдаемых в западных обществах. С другой стороны, травмированные провалами «точечной демократизации», предпринимаемой в последние десятилетия в разных регионах планеты – от Гаити до Афганистана, – западные интеллектуалы вынуждены переосмысливать принципы взаимоотношений с незападной (и, как правило, недемократической) частью мира, подводя под императив расширения пространства свободы и демократии более убедительные основания.

Может показаться, что эти две проблемы имеют мало общего: хотя в обоих случаях речь идет о демократии, переживаемый зрелыми демократическими режимами кризис имеет весьма отдаленное отношение к «детским болезням» молодых неокрепших демократий. Действительно, какая связь может существовать между постепенным исчезновением идеологических отличий правых и левых партий в западных обществах и стратегией поддержки хрупких государственных институтов в Ираке после начала вывода войск коалиции? Может ли часто упоминаемый «дефицит демократии» в Европейском Союзе, наднациональной структуре с самой утонченной и сложной системой принятия решений в мире, быть устранен при помощи тех же методов, которые требуются для укрепления демократической легитимности в России, подорванной использованием административного ресурса, выстраиванием «вертикали власти», ограничением гражданских прав и свободы слова?

В то же время незападные государства, испытывающие на себе политическое давление или подвергающиеся критике за отсутствие демократии со стороны Запада, охотно развивают тему отклонений и несовершенства западных

демократий. В ход идут аргументы самого разного порядка: некоторые из них справедливы, другие носят выраженный популистский или пропагандистский характер. На Западе не спорят, что самый болезненный удар по идее экспорта демократии был нанесен неудачными военными кампаниями США в Афганистане и Ираке, инициированными президентом, избранным меньшинством сограждан и утвержденным на посту через решение Верховного суда; соглашались с тем, что принятие Patriot Act ограничило ряд гражданских свобод американских граждан; признают, что разоблачение практики внеправового наказания подозреваемых в терроризме, применявшейся американцами и их европейскими союзниками в разных частях мира, бросило мрачную тень на репутацию западных стран, объявивших распространение демократии целью своей внешней политики.

К тому же экономический спад 2008 года предоставил критикам западной демократии дополнительные аргументы. Он показал, что сама по себе демократия не гарантирует большей экономической эффективности, а прославляемый Западом либерализм закрывает глаза на действия, которые можно назвать разве что безрассудными. Недемократический Китай и петрогосударства Персидского Залива пережили кризис менее болезненно, да и к тому же помогли Соединенным Штатам – как покупкой их долговых обязательств, так и прямым вхождением в капитал переживавших тяжелые времена американских банков. И теперь ответом на упреки Запада в адрес остального мира становится напоминание о том, что в 2008 году ВВП США упал на 2,6%, а 27-ми стран Европейского Союза – на 4,2%, тогда как рост в том же Китае составил 8,7%.

Помимо чисто хозяйственных трудностей, финансовый кризис, поставивший под сомнение способность Запада выступать флагманом экономического развития, выбил из рук его идеологов один из последних аргументов, традиционно доказывавший западное превосходство. Кризис модели отношений между Западом и остальной частью планеты, выстроенной на считавшихся универсальными идеалах демократии и свободы, стал особенно заметен. Завершение эпохи стремительной демократизации и усиление сопротивления насаждению демократии в глобальном масштабе ставят Запад перед важнейшим интеллектуальным вызовом ближайшего десятилетия – необходимостью всестороннего переосмысления форм и способов коммуникации с незападным миром, предполагающего как ревизию идеологических оснований внешней политики, так и беспристрастный анализ политической целесообразности демократизации. Найдут ли западные интеллектуалы и политики широкий консенсус относительно нового языка общения с внешним миром? Какие идеи лягут в его основу? Не претендуя на изложение целостной позитивной программы, попытаемся, с одной стороны, критически оценить некоторые ключевые вопросы международных отношений, а с другой стороны, предложить некоторые шаги, необходимые для формирования новой, более располагающей к цивилизованному сосуществованию, среды.

К вопросу о причинах кризиса

В основе кризиса внешнеполитической идентичности Запада, вызванного нежеланием остального мира принимать навязываемые представления о спо-

собе и форме социально-политической организации в границах отдельно взятой страны, лежат, на наш взгляд, три фундаментальные причины.

Во-первых, для многих стран демократия не является безусловной ценностью – но в последние два десятилетия Запад сделал императив демократизации лейтмотивом своей политической коммуникации с миром. Он ошибочно интерпретировал тектонические сдвиги в мировой политике на рубеже 1980-х и 1990-х годов как свидетельство всеобщего стремления к демократии, тогда как таковые отражали скорее жажду свободы. Смещение понятий свободы и демократии сформировало в западных государствах иллюзию возникновения универсального языка политического общения между государствами, безошибочной системы распознавания «свой-чужой» – и демократия стала для Запада ключевым критерием при выработке политического курса в отношении отдельных государств.

Современное стремление Запада к продвижению демократии продолжило традицию поддержки борьбы народов за свободу и независимость, характерную для Соединенных Штатов еще с начала XIX века, когда ими была принята доктрина о «самостоятельном политическом развитии американских континентов», известная как «Доктрина Монро». Разумеется, в ней содержался важный геополитический элемент, как и в политике США в период после Второй мировой войны, когда они безучастно взирали на распад европейских колониальных империй и поддерживали движение самоопределения как подтверждение универсального стремления народов к освобождению. Однако вскоре стало понятно, что независимость и демократия, свобода и либерализм – вещи разные. Если в XIX столетии латиноамериканские страны были не менее демократическими и либеральными, чем Соединенные Штаты, то к новым государствам Африки и к странам, свободно выбравшим присоединение к коммунистическому лагерю, это не относилось. Понадобилось сместить акцент, и новым лозунгом стала демократизация.

Это казалось тем более естественным, что, с одной стороны, впервые вокруг этого подхода объединились США и Европа (над которой уже не довлело наследие колониализма и которая добилась выдающихся успехов, трансформируя в демократии страны, незадолго до того вступившие в ЕЭС), и, с другой, в пользу демократизации выступало в годы правления Михаила Горбачева и советское руководство. Конец 1980-х годов ознаменовался тем, что на уровне риторики у демократизации не осталось противников, и это, как позже выяснилось, сыграло с данной концепцией злую шутку.

Очень быстро стало ясно, что демократизация – более сложный процесс, чем можно было предположить, а тождественность демократии свободе, мягко говоря, неочевидна. Опыт демократизации в разных частях мира доказывает, что устойчивый демократический режим не может существовать не только без всенародных выборов, но и без независимой судебной системы, подотчетных и беспристрастных институтов принуждения, а также либеральной и конкурентной экономики. Между тем эти элементы тяжело приживаются на новой почве, поскольку, в отличие от пафосных призывов к свободе, требуют зачастую невозможного: от правящего класса – реальной борьбы с коррупцией и политической чистоплотности; от погруженного в апатию общества – гражданской активности и готовности на практике защищать свои права.

Во-вторых, нарастающее сопротивление демократизации связано с методами насаждения демократических режимов. Парадокс заключается в том, что расширение территории демократии осуществляется далеко не демократическим образом. Оптимистические ожидания наступления эры всеобщей свободы разбиваются о гуманитарные интервенции, экономический шантаж и военно-политическое давление.

Односторонние экономические санкции, создание военных баз, поддержка оппозиционных движений и силовое вмешательство прочно вошли в арсенал средств, служащих, по мнению Запада и прежде всего США, целям демократизации. В кольце блокады давно находятся авторитарные Иран и Куба; военно-политическая поддержка демократического Тайваня и наращивание военного потенциала в Восточной Европе служат явной демонстрацией недоверия к строящим девиантные формы демократии Китаю и России; значительные финансовые средства расходуются на оплату военного вмешательства в особо тяжелых случаях – таких, как вторжение эфиопских вооруженных сил в Сомали.

В то же время эффективность этих мер остается сомнительной. Крупнейшая «операция по демократизации» последнего десятилетия – иракская, – потребовала от сил коалиции ресурсов, сопоставимых с теми, что были направлены на демократизацию Японии после Второй мировой войны (оккупационные силы в Японии достигали 400 тысяч человек, в то время как для свержения диктаторского режима Саддама Хусейна и последующей стабилизации Ирака было задействовано не менее 300 тысяч). Но можно ли сравнивать результаты этих двух демократизаций?

Среди причин низкой эффективности демократизаторских потуг одну следует выделить особо. Недемократичные методы демократизации применялись и до распада биполярного мира. Однако если в эпоху «холодной войны» периферийные страны, наиболее часто становившиеся объектами демократизации в силу их статуса «законного» поля соперничества двух систем, не могли противодействовать вмешательству иначе как через поиск покровительства со стороны второй сверхдержавы, то в 1990-е годы спектр возможностей сопротивления существенно расширился, прежде всего по причине нормативной зыбкости западной позиции. Зыбкость эта порождена тем, что прежняя идеология борьбы систем сменилась новой – суверенистской. Суверенитет из «спящей» (то есть номинально закрепленной в международном праве, но в реальности часто игнорируемой) ценности перешел в категорию активной, функциональной. Этот процесс, впрочем, начался существенно раньше – еще в 1960-1970-е годы с признанием европейцами равных суверенных прав за бывшими колониями¹.

В то время все бывшие зависимые территории обрели суверенитет без условия соблюдения позитивных критериев самоуправления – способности экономически конкурировать с другими государствами, использовать невмешательство в свои дела для соблюдения прав граждан, и т.д. Понимание того, что признание независимости влечет серьезные негативные последствия, ес-

¹ См.: **Brown, Chris.** *Sovereignty, Rights and Justice: International Political Theory Today*, Cambridge: Polity Press, 2002, pp. 140 – 141.

ли стремящаяся к суверенитету нация не имеет устойчивых демократических институтов, пришло позже. Этому предшествовал пожар межэтнических и гражданских войн, охвативший новые независимые государства Африки, такие как Судан, Конго и Чад уже к концу 1960-х годов, а в следующее десятилетие расширившийся на Юго-Восточную Азию, Ближний Восток и некоторые другие регионы.

За эти десятилетия грубые нарушения прав человека в новых независимых странах стали обычным явлением, конфликты приняли хроническую форму, а политические лидеры утвердились во мнении, что суверенитет является синонимом безнаказанности. Фактически для незападных государств был создан параллельный международно-правовой режим, который Роберт Джексон еще в конце 1980-х годов обозначил термином «негативный суверенитет»².

Последствия этого шага со всей очевидностью проявились только спустя несколько десятилетий. Самоопределившиеся страны «третьего мира», защищенные от вмешательства суверенитетом, начали требовать от развитых государств особых преференций и позитивной дискриминации в виде помощи развитию, экономических послаблений и снисхождения в оценке прогресса в области демократии и прав человека. Как следствие, в международных организациях сложилась целая система лобби: в ходе дохийского раунда ВТО беднейшие страны координируют свою политику в рамках двух объединений – «Группы девяноста» и «Группы тридцати трех», выступающих за сохранение протекционистских мер ради поддержания преимущественного доступа на рынки развитых стран; в ООН развивающиеся государства отстаивают свои интересы, в числе которых наращивание помощи развитию и списание долгов беднейшим странам, в рамках «Группы семидесяти семи»; группы интересов и движения за списание внешнего долга, представляющие интересы государств периферии, добились аннулирования долгов восемнадцати беднейших стран мира со стороны МВФ и Всемирного банка. Осознание лукавности такой политики уже приходит: неслучайно авторы как из развитых, так и из периферийных стран начинают сетовать на «неразвивающийся мир»³ и требовать пересмотреть порядок предоставления помощи, обусловив ее улучшением качества государственного управления⁴.

Крах попыток демократизации 1990-х и 2000-х годов был предопределен задолго до их начала. Это объясняется и тем, что вместо демократии свобода стала прочно ассоциироваться с суверенитетом, который позволяет самостоятельно выбрать форму правления, причем не обязательно демократическую; и тем, что накопившиеся на мировой периферии проблемы во многих случаях не оставляли возможности для демократизации мирными средствами; и тем, что сама демократизация осталась набором изолированных случаев навязывания государствам западной модели и не была встроена в глобальную тенденцию к

² См.: **Jackson, Robert.** *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990, pp. 27 – 28.

³ Подробнее см.: **Rivero, Oswaldo de.** *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*, London, New York: Zed Books, 2001.

⁴ См.: **Easterly, William.** *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good*, New York: Penguin, 2006.

построению более справедливых международных институтов и системы принятия решений.

В-третьих, следует признать и то, что возможности демократии перестали быть уникальными – а иногда демонстрируют и очевидные слабости. С одной стороны, многие проблемы, остро стоящие перед международным сообществом (развитие отстающих стран, борьба с террором и наркотрафиком, обеспечение региональной стабильности и ряд других) не могут быть решены посредством демократизации. С другой, пример экономического возвышения недемократических государств – Китая, Вьетнама, Сингапура, – опроверг мнение о невозможности экономического развития в условиях авторитарного режима. Ориентация на технократический успех формирует новый тип легитимности – легитимность результата, заменяющий собой более привычную для Запада легитимность процедуры (как отмечает выдающийся правовед Джозеф Вейлер, «демократия должна основывать свою легитимность именно на процедуре, на процессе выбора, иначе авторитарные режимы следовало бы признать более эффективными»⁵).

Таким образом, сегодня становится очевидным, что программа демократизации столкнулась с двумя практически непреодолимыми препятствиями: с одной стороны, попытка «продать» миру демократию «в нагрузку» к свободе и независимости терпит неудачу; с другой стороны, демократизация как идеологическая конструкция вступает в противоречие с доктриной суверенитета. Эти угрозы для распространения демократии оказываются тем серьезнее, что легитимизировать демократию через эффективность становится все труднее.

Демократия и десоверенизация

Концепция демократизации стала ярким воплощением цивилизаторских устремлений Запада, долгосрочная цель которых заключалась в том, чтобы вовлечь незападный мир в свою ценностную орбиту и тем самым сделать его более лояльным, понятным и предсказуемым.

Однако продемократическое вмешательство западных государств и другие попытки насаждения демократических институтов не привели ни к росту стабильности, ни к повышению предсказуемости международных отношений, ни к триумфу западных ценностей. Оказалось, что стратегия демократизации не является ни кратчайшим, ни скорейшим путем к достижению этих целей. Напротив, насаждение демократии при помощи гуманитарных интервенций, санкций и других принудительных мер часто ведет к дестабилизации как отдельных стран, так и их соседей, к укреплению авторитарных режимов в некоторых регионах, к росту националистических движений, к всплеску терроризма. Очевидно, что демократизация в том виде, в каком ее пытались реализовать в последние десятилетия, оказалась провальным проектом. Политика распространения демократии углубила мировоззренческую пропасть между западным и незападным миром и поставила под сомнение лидирующую роль Запада в глобальных процессах.

⁵ Вейлер, Джозеф. «Чем строже обязательства, тем реже они исполняются» в: *Свободная мысль*, 2009, № 7, с. 8.

Утверждая самодостаточность и самостоятельную ценность демократии, западные государства упускают из вида ее функциональное предназначение. В конечном итоге ценность демократии определяется ее способностью обеспечить стабильность и консенсус внутри общества и гарантировать, что государство будет добропорядочным, законопослушным и предсказуемым членом сообщества наций. Следует признать, что сегодня демократия не выполняет ни первого, ни второго предназначения.

Означает ли это полное и окончательное поражение идеи демократии? Вероятно, следует признать, что на данном временном отрезке Запад потерпел поражение. Однако останется ли оно тактическим провалом или же повлечет стратегический проигрыш, зависит в конечном счете от действий самого Запада.

Парадоксальным образом страны Запада сегодня выступают не меньшими противниками демократизации, чем те, кому они стараются ее навязать. Точнее, можно констатировать существование глубокого водораздела внутри западного мира во взглядах на демократию.

С одной стороны, Соединенные Штаты и некоторые европейские страны, такие как Швейцария и Норвегия, мыслят демократию исключительно в парадигме национального государства. В международных отношениях они не готовы к применению тех же демократических принципов, которые исповедуют во внутренней политике. Эти государства не соглашаются на широкое международное обсуждение ключевых внешнеполитических решений в рамках демократической процедуры даже в кругу своих демократических союзников и партнеров. К примеру, вторжение в Ирак было односторонним решением Соединенных Штатов, «сколотивших» под эту цель «коалицию решительных»; вопрос о международном признании Косово не стал предметом широкого обсуждения в демократическом сообществе и решался каждой страной самостоятельно. Примеры можно продолжать. Почему же так происходит? Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что демократизация международных отношений ограничивает свободу выбора государства, поскольку демократическая легитимность строится не только на акте выбора, но и на приоритете мнения большинства. Демократическая процедура всегда содержит в себе вероятность того, что участник политического процесса может остаться в меньшинстве и будет вынужден подчиниться иному мнению. Можно ли сегодня представить, что США согласятся признать Абхазию или Южную Осетию, или отменят санкции в отношении Кубы, если большинство демократических стран встанет на такую позицию? Государствам свойственно опасаться утраты самостоятельности и ограничения своей свободы действий. Между тем эта дилемма легко снимается при помощи концепции национального суверенитета, который является узаконенной возможностью сохранить свободу действий и избежать демократических ограничений.

С другой стороны, Европейский Союз оригинальным образом сочетает стратегию демократизации периферийных государств с демократизацией международных отношений. С вступлением в силу Лиссабонского договора, который превратил квалифицированное большинство в основной способ принятия решения в ЕС, региональную интеграцию в Европе можно без оговорок признать наиболее успешным примером распространения демократии на сфе-

ру международных отношений. Ключевым фактором успеха европейской интеграции как демократического проекта, доказавшего свою эффективность в поддержании долговременного мира, обеспечении устойчивого экономического роста и стабилизации внутривнутриполитической ситуации в странах-членах (напомним, что именно этих целей Запад надеется достичь путем насаждения демократии), стало ограничение суверенитета. Инициированный как классический пример реализации принципов межгосударственного сотрудничества, Европейский Союз сегодня вышел далеко за их границы.

После краха советского блока европейское интеграционное объединение стало центром притяжения для других европейских стран. В результате нескольких волн расширения Европейский Союз объединяет ныне 27 государств и представляет собой уникальный пример ненасильственной демократизации, развивающейся в первую очередь через инкорпорирование международных норм в национальные правовые системы.

Из вышесказанного следует, что на уровне национальных государств суверенитет легко сочетается с демократией, но на межгосударственном уровне демократия вступает в прямое противоречие с суверенитетом. Иными словами, суверенное государство может быть демократическим (как может и не быть таковым), но демократическая международная система неизбежно влечет ограничение национального суверенитета. В частности, если большинство демократических государств соглашаются с определенной инициативой или присоединяются к некоему международному соглашению, оставшимся демократиям также было бы логично последовать их примеру, особенно если соглашения преследуют гуманистические цели (в частности, если подавляющее большинство демократий признали полномочия Международного уголовного суда или подписали Конвенцию о запрете противопехотных мин, то и Соединенным Штатам следует это сделать). Такой подход мог бы поспособствовать восстановлению доверия тех государств, которые сегодня разочарованы непредсказуемостью и двойными стандартами политики США и ощущают лукавство призывов к демократии и законности, исходящих от западного мира.

Возвращаясь к проблеме целесообразности распространения демократии, уместно задаться вопросом о том, могут ли развитые демократические страны, не отказываясь от своих ценностей, повысить уровень стабильности и предсказуемости современной миросистемы?

На наш взгляд, это возможно при условии решительной смены парадигмы. Тот факт, что насильственная демократизация, проводимая посредством интервенции, обретения контроля над политической элитой и создания системы финансовых стимулов, представляется сегодня либо бесперспективной, либо нереализуемой, свидетельствует о необходимости отказа от демократизации «изнутри» в пользу демократизации «извне». Под демократизацией «извне» мы понимаем такую стратегию поведения западных государств, которая определялась бы не позитивной (или «наступательной»), а негативной (или «оборонительной») внешнеполитической программой. Вместо попыток насадить ценности демократического правления западным державам следовало бы сосредоточиться на укреплении правовых основ международной системы, а точнее – на обеспечении соблюдения международных норм и правил со стороны всех без исключения суверенных государств.

Ныне существующая международная система противоречива; с одной стороны, она основывается на принципе суверенитета – а, он, как отмечает, например, Фернандо Тесон, «открывает возможность для тирании, выдавая карт-бланш любому, кто пожелает игнорировать волю народа и удерживать власть посредством грубой политической силы, что в соответствующих международных документах деликатно именуется правом государства определять свой политический строй»⁶. С другой стороны, этот принцип провозглашается, но соблюдается лишь избирательно: Пьер Аснер справедливо считает, что «нынешняя ситуация даже опаснее ситуации “холодной войны”, [поскольку] тогда существовали определенные правила, позволявшие вести сдержанный диалог, [и] одностороннее превентивное вмешательство в дела другого государства было немыслимо»⁷. В итоге возникает практика избирательного вмешательства, крайне опасная для мирового порядка.

Принцип суверенитета, на котором основана данная система, ограничивает возможности имплементации правил и норм, принятых в развитых странах. Поэтому для более успешного внедрения демократических принципов следовало бы, на наш взгляд, изменить фундаментальные элементы современного международного права. Западные идеологи, судя по всему, ошиблись, когда предположили, что курс на распространение демократии реализуем в существующей системе международного права. Задача сегодня состоит в том, чтобы сделать систему международного права более «правовой» – пусть и без «мирового правительства» или полного переписывания сложившихся правил и норм.

С одной стороны, этому может служить более жесткое применение норм, карающих за нарушение международных конвенций и соглашений. Так, например, конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 1948 года в последнее время практически не действует. Несмотря на неоднократные случаи массовых убийств и этнических чисток, международное сообщество ни разу не усомнилось в легитимности правительств стран, в которых происходили эти преступления. Между тем было бы логично признать, что государство, вопиющим образом нарушающее принятые в международном сообществе нормы, не может оставаться членом данного сообщества и признаваться суверенным. Иное просто опасно: ведь, как подчеркивает Майкл Уолцер, беззаконие, где бы оно ни проявлялось, порождает все новое насилие, и этот порочный круг обречен расширяться бесконечно; «все государства, – пишет он, – заинтересованы в глобальной стабильности и даже в глобальной человечес[кой общности]... стоит лишь сэкономить на нравственной цене молчания и безразличия [к жителям отдаленных стран], и вам придется заплатить политическую цену потрясений и беззакония у вас дома»⁸. В итоге мировое сообщество – как демократии, так и уважающие международное право недемократические государства – пришло бы к

⁶ **Teson, Fernando R.** *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*, Ardsley: Transnational Publishers, 2005, p. 182.

⁷ **Аснер, Пьер.** «Великие державы должны иметь таких соседей, какой была Финляндия в годы ‘холодной войны’ » в: *Свободная мысль*, 2008, № 9, с. 58.

⁸ **Walzer, Michael.** «The Politics of Rescue» in: Walzer, Michael. *Arguing About War*, New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 2004, pp. 74, 75.

пониманию, что принцип суверенитета не является безусловным, а само сообщество не может включать все страны мира безотносительно к тому, как они относятся к общепринятым правовым нормам.

С другой стороны, часть демократических стран, приверженная принципам демократизации не только во внутренней политике, но и в международных отношениях, могла бы пойти по пути выработки общих принципов и стандартов поведения на мировой арене. Речь идет не о присоединении таких стран к Европейскому Союзу или немедленном формировании подобных ему региональных объединений, а о постепенном оформлении сообщества стран, которые не только признают международное право, но и следуют выбору большинства других демократических государств (по сути, сложилась бы группа, внутри которой могли бы распространиться не только единые правовые стандарты, но и демократические принципы принятия коллективных решений). В основе такого курса лежит мысль о том, что в современном мире «свобода действий суверенного государства на мировой арене должна быть в ряде аспектов ограничена и подвергнута мониторингу и контролю со стороны международного сообщества, так же как и абсолютная власть суверена – будь то монарх или же народ – в пределах государства должна ограничиваться, обуславливаться теми или иными обстоятельствами и не переставать быть подотчетной»⁹. В рамках этого сообщества наций могла бы строиться новая, «постсуверенная», демократия, к процессу распространения которой другие государства могли бы присоединяться по мере того, как убедятся в выгодах принадлежности к «кругу избранных».

По сути, оба эти процесса вызывали бы своего рода «десуверенизацию» – с одной стороны, ограничивали суверенитет «государств-изгоев» (предварительно четко определив совокупность нарушений, ведущих к такому исходу); с другой стороны, сокращали бы возможность маневра для тех демократических стран, которые пока не готовы выступать в одном строю с другими демократиями. Соответственно, формировались как группа государств, объединенная общими принципами и нормами, которая могла бы стать подлинным субъектом демократизации, так и группа стран, соблюдающих нормы международного права, и, возможно, готовых к восприятию демократических принципов, которыми определяется внутренняя политика ведущих держав. Иначе говоря, в этом новом мире демократические страны могли бы «продвигать» демократизацию не силой, а примером.

Подобная концепция не столь утопична, как может показаться на первый взгляд. Собственно говоря, так и распространялись демократические порядки в прошлом: в условиях относительно фрагментированного мира боровшиеся за свою свободу страны или движения, стремившиеся свергнуть старые правящие классы, вдохновлялись примерами предшественников – хотя в тот период даже ведущая демократическая держава, Соединенные Штаты, руководствовалась словами Джона Квинси Адамса, который говорил: «Где бы – сейчас или в будущем – ни водружалось знамя свободы и независимости, там сердце Америки, ее благословение и молитвы. Но она не пойдет в чуждые

⁹ Hoffman, Stanley. "Sovereignty and the Ethics of Intervention" in: Hoffman, Stanley (ed.) *The Ethics and Politics of Humanitarian Intervention*, Notre Dame (In.): Univ. of Notre Dame Press, 1996, p. 18.

пределы, чтобы истреблять там драконов. Она желает свободы и независимости во всем мире. Но борется она за защиту только своих собственных свободы и независимости»¹⁰. Однако даже такая позиция сделала Америку лидером «свободного мира» и до последнего времени одним из главных оплотов демократии. Сегодня она перестала им быть, и лидерство в демократизации «извне» перешло к Европейскому Союзу. Именно объединенная Европа воплощает пример подлинной демократизации международных отношений – демократизации, ведущей к утверждению либеральных ценностей и правового порядка, демократизации, которая в нынешнем мире может быть, видимо, только постсуверенной.

Опыт формирования наднациональных демократических структур, который, на наш взгляд, открывает перед человечеством действительно широкие перспективы стабильного и ненасильственного мира, не удостоивается в России должного внимания. Напротив, сегодня отечественными исследователями акцент делается на беспредельность и неограниченность суверенитета, что, по их мнению, делает его «реальным», а его носителя – исключительным (как пишет, к примеру, Андрей Кокошин, «реальным суверенитетом обладает ограниченное число стран, и он означает способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства, и т.д.»)¹¹. Однако пока история показывает, что именно такие страны представляют наибольшую угрозу цивилизованному мировому порядку – порядку, в котором доминирует право и который в отдаленной перспективе только и может привести к ненасильственному распространению демократии.

Источники

Brown, Chris. *Sovereignty, Rights and Justice: International Political Theory Today*, Cambridge: Polity Press, 2002.

Easterly, William. *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good*, New York: Penguin, 2006.

Hoffman, Stanley. "Sovereignty and the Ethics of Intervention" in: Hoffman, Stanley (ed.) *The Ethics and Politics of Humanitarian Intervention*, Notre Dame (In.): Univ. of Notre Dame Press, 1996

Jackson, Robert. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

Rivero, Oswaldo de. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*, London, New York: Zed Books, 2001.

Teson, Fernando R. *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*, Ardsley: Transnational Publishers, 2005.

Walzer, Michael. *Arguing About War*, New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 2004.

¹⁰ Цит. по: **Киссинджер, Генри.** *Нужна ли Америке внешняя политика?* Перевод с англ. под редакцией и со вступ. ст. В.Л.Иноземцева, Москва: Ладомир, 2002, с. 267.

¹¹ **Кокошин, Андрей.** *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе* (3-е изд., переработанное и дополненное), Москва: Издательство «Европа», 2006, с. 63.

Аснер, Пьер. “Великие державы должны иметь таких соседей, какой была Финляндия в годы ‘холодной войны’ ” в: *Свободная мысль*, 2008, № 9.

Вейлер, Джозеф. “Чем строже обязательства, тем реже они исполняются” в: *Свободная мысль*, 2009, № 7.

Киссинджер, Генри. *Нужна ли Америке внешняя политика?* Перевод с англ. под редакцией и со вступ. ст. В.Л.Иноземцева, Москва: Ладомир, 2002.

Кокошин, Андрей. *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе* (3-е изд., переработанное и дополненное), Москва: Издательство «Европа», 2006.